

Мертвые / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Мертвые / рассказ МЕРТВЫЕ

Кажется, он орал «Счастливого пути!». А может быть, и нет. Может, он орал «несчастливого». А, может быть, что-то совершенно другое. Дело в том, что он орал очень тихо.

Шепотом.

Молча.

Про себя.

Внешне все выглядело так, как будто ор раздирал его, клочкотал внутри: плечи подпрыгивали, губы кривились. Он мог открыть рот и издать вой, хрип, набор звуков дикой тональности, а мог трансформировать все это в пару слов подпрыгивающего тона. И тогда получилось бы что-то похожее на прощание. Но прощание не получилось.

Мое состояние было не лучше. Во мне тоже что-то корчилось, вибрировало в районе скул. Я боялась заговорить и – заплакать, не хотела делать все еще хуже. Мы отдирали себя друг от друга насильно, но без единого звука...

Я шла среди серых многоэтажек. Они кренились друг к другу и, когда я моргала, качались обратно. И снова сыпались. К глазам подкатывала слеза за слезой. А еще, откуда ни возьмись, налетела буря из тополиного пуха. Пух лез в глаза, за воротник, хрустел под ногами. Пух выстилал дорожку к парковке, и сверху она выглядела, как Млечный Путь. Как Млечный Путь, под которым мы лежали прошлым летом горячие на остывающей земле и пускали сигаретный дым в небо. Как Млечный Путь, по которому мы собирались пройти как-нибудь...

В машине пел Летов:

Словно целый мир, словно снежный ком,

Словно напрямик, наугад, напролом,

Словно навсегда, словно безвозвратно,

И опять сначаааааала...

«Мертвые» повторились много раз подряд и стали гимном нашего

расставания. Оставить тебя было, как бросить курить. Когда считаешь часы, дни, ночи – а потом думаешь – вот я не курю уже четверо суток, а это всего лишь одна сигарета. Вот я не пишу тебе уже четверо суток, а это всего лишь одно сообщение... Разница только в том, что о сигаретах я могла не думать все время, а о тебе не могла.

Больше не будет встреч у нашей колонны на «Кропоткинской». Больше не будет книг с подписями – на первом развороте, необузданным, скачущим почерком, как будто ты писал в бешеном поезде, хотя ты всегда подписывал книги спокойно, за столом. Больше не будет этих уикендов на даче, которые поражали, как бунинский солнечный удар, несмотря на прохладные ночи... Друг без друга у нас не было ничего. Мы были мертвыми.

Я поняла, что существует одиночество, которое можно потрогать. Можно же потрогать телефон и понять, что ты хочешь написать только одному человеку. Тому, с которым рассталась.

Это только одно сообщение...

Я написала его. Мы договорились встретиться на «Кропоткинской». Я волновалась, как перед первым свиданием. Приехала слишком рано. Но ты уже ждал меня у колонны. Твои глаза, черные до такой степени, что никогда не понять, что именно они выражают, были подсвечены изнутри. Тем самым солнечным ударом. Меня тоже что-то стукнуло по затылку. И я, наконец, улыбнулась. Мы обнялись и воскресли. Мы вознеслись из метро.

Сначала я хотела рассказать про дни без тебя. Но что, что было говорить? Что прошлой ночью я думала, зачем теперь жить? А позапрошлой умирала от жалости к себе? А позапозапрошлой прокручивала на репите наши лучшие моменты под песню «Мертвые», безуспешно пытаюсь выломать тебя из своего сердца?

Теперь я поняла, почему Летов пел «словно навсегда, словно безвозвратно». Мы решили: будем видеться редко, но видеться. Что лучше – два часа счастья в неделю или целая жизнь без счастья? Конечно, видеться втайне (без слов было понятно, что втайне от твоей жены, которую мы никогда не обсуждали и никогда не называли по имени). Она – причина нашего расставания – вдруг снова совершенно забылась.

И как в первые наши недели, я сидела на стуле и пила вино так, как будто ее не существует в природе.

Мы были на террасе кафе. Мы держались за руки под столом. Тихо играла гармошка, и ноты подрагивали в воздухе, как тополиный пух в порывах ветра. В бокалах с вином кувыркалось вечернее солнце. Мы снова курили.

На другой стороне улицы стоял трехэтажный дом с длинными окнами, антеннами набекрень и бурными дверями подъездов. И я подумала, как бы здорово было переселиться в наш любимый район...

Но это была запрещенная мысль. Мы же договорились жить только одним моментом. Это значило жить без будущего и ничего больше не ждать. Меня хватило на пару месяцев. Началась осень, мы встречались при искусственном свете, не способном на солнечный удар. Потом было еще расставание, потом еще одно. «И опять сначала...»

При расставаниях мы больше не будем молчать. Я буду орать, что ты испортил мне жизнь. Что мне нельзя мечтать. Ты будешь чувствовать себя виноватым, стараться меня успокоить, говорить, что моя жизнь еще впереди. И когда все внутри перегорит от американских горок чувств – встреч и расставаний, встреч и расставаний, встреч и расставаний – мы попрощаемся в последний раз. Спокойно. Только в тот день мы перестанем чувствовать и действительно умрем. Потому что только мертвый может выйти на балкон и прокричать «Счастливого пути! Аккуратней на дороге!», когда от него уходит любовь всей его жизни. И закурить, как ни в чем не бывало.

Об авторе: ЮЛИЯ КАЗАНОВА

Родилась и живет в Москве. Закончила истфак МГУ. Училась в Creative Writing School и литературном клубе «Русского пионера». Публиковалась в журналах «Идиот» и «Русский пионер». Некаýalar